
Принудительное семейное отчуждение: новые данные и новые мнения относительно отчуждения от родителей¹. Часть I.

Бруна Барбьери Ваким, кандидат юридических наук (CEUB), профессор, магистр права и учреждений правосудия Федерального университета штата Мараньян, директор по вопросам культуры Института семейного права Бразилии (отдел штата Мараньян) (bu_barbieri@yahoo.com.br)

В статье публикуются результаты виртуального опроса детей разведенных родителей, проведенного автором статьи в Бразилии с целью изучения отчуждения детей от родителей. Отправной точкой исследования стали работы Ричарда Гарднера по синдрому родительского отчуждения, а также Эми Бейкера и Дугласа Дарналла. Автором был составлен опросник, предназначенный для детей разведенных родителей, опубликованный на юридических сайтах, в социальных сетях и в бразильских блогах. Опросник включает количественные и качественные данные, полученные от активных и пассивных субъектов данной практики (дедушки и бабушки, братья и сестры, отчимы и мачехи, ставшие инициаторами и жертвами отчуждения), он определяет объем стратегических и практических мер (малозначительные, средние и серьезные действия, причиняющие или не причиняющие психологический ущерб детям и подросткам) и сценарии, при которых отчуждение от родителей может предполагаться. В статье проанализированы наиболее важные психологические концепции; обобщены данные, полученные исследователем в результате применения опросника; предложен новый подход к феномену отчуждения посредством его характеристики как «принудительного семейного отчуждения».

Ключевые слова: отчуждение от родителей, синдром отчуждения от родителей, взаимоотношения в семье, психологическая неприкосновенность, ребенок и подросток.

Для цитаты:

Бруна Барбьери Ваким. Принудительное семейное отчуждение: новые данные и новые мнения относительно отчуждения от родителей. Часть I. [Электронный

¹ Исследование по данной теме в полном объеме (дипломная работа магистра права и учреждений юридической системы Федерального университета в Мараньяу) опубликовано в виде монографии «Принудительное семейное отчуждение: углубленное исследование отчуждения родителей». Рио-де-Жанейро: Lumen Juris, 2015.

ресурс] // Психология и право. 2019(9). № 1. С. 96-110.
doi: 10.17759/psylaw.2019090107

For citation:

Barbieri Waquim Bruna. Induced family alienation: new data and new considerations on parental alienation. Part I. [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2019(9), no. 1. pp.96-110.
doi: 10.17759/psylaw.2019090107

Введение

Принятие в Бразилии Закона № 12.318/2010, касающегося отчуждения от родителей и предусматривающего механизмы борьбы с этой практикой, вызвало в бразильской юридической среде дискуссию относительно роли матерей и отцов в защите психологической неприкосновенности их детей, а также установило область взаимодействия между правом и психологией, позволяющую лучше понимать роль понятий и институтов, которые связаны с юридической деятельностью в этом чрезвычайно специфическом вопросе.

Следует отметить, что в бразильской юридической литературе термины «Отчуждение от родителей» и «Синдром отчуждения от родителей» используются в одинаковой мере, часто как синонимы, и лишь в редких случаях учитывается теоретическое различие между словами, в связи с чем необходимо дифференцировать понятия и обеспечивать правильный подход к каждому из этих явлений в учреждениях юридической системы.

Это связано с тем, что термин «Отчуждение» сам по себе имеет много значений [1]. Слово «Отчуждение» имеет различные определения, начиная с Маркса (Marx) (отчуждение как социальное разделение труда, которое возникает с разделением между руководителями и исполнителями трудового процесса), Фромма (Fromm) (для которого отчуждение означает отделение человека от того, что он сам создал, или отрицание творческой способности человека, когда он поклоняется идолам, созданным самим собою) и заканчивая Маркусом (Marcuse) (отчуждение как искажение труда, который перестает быть пространством для настоящей реализации человека).

Выражение «Отчуждение от родителей» представляет собой явление, которое было идентифицировано и классифицировано в *корпус* психологии. Вкратце это означает, что удаленность, наблюдаемая между детьми и родителями, может быть оправданной или нет. Иными словами, не всякое «Отчуждение от родителей» связано с синдромом, описанным Ричардом Гарднером.

Существует много причин, обуславливающих отчуждение ребенка от одного или обоих родителей. К ним относятся физическое, эмоциональное или сексуальное насилие с их стороны, нахождение на этапе взросления, сложные психопатические характеристики и другое [2].

Следует отметить, что отчуждение от родителей, связанное с психопатическими характеристиками ребенка, неспособность родителя справляться с родительскими

обязанностями или обычный протест в том, что касается авторитета родителей, не имеют юридического измерения, которое можно применить, но могут быть устранены с помощью терапии, предписанной специалистами в области психологии.

При любом сценарии какого-либо отдаления между ребенком и родителем, называемого Отчуждением от родителей, важно различать суть эпистемологического разрыва, положившего начало так называемому синдрому отчуждения от родителей.

Синдром отчуждения от родителей представляет собой совокупность симптомов и наблюдается у детей и подростков, вовлеченных в чувствительные конфликты между родителями по вопросу споров относительно опеки. Эти симптомы свидетельствуют о том, что ребенок пострадал от программирования (или «промыывания мозгов»), направленного на страх, ненависть и неуважительные отношения к одному из родителей без фактических на то оснований.

При этом в качестве основной черты синдрома отчуждения от родителей можно назвать отношение взрослого в виде принуждения к десантированию между ребенком или подростком и другим родителем/членом семьи, что препятствует формированию или сохранению здоровых психологических отношений между ними.

Синдром отчуждения от родителей описывается как разновидность отчуждения от родителей, характеризующаяся объединением двух элементов: принуждением к этому отдалению кем-либо из взрослых и способствованием самим ребенком или подростком этому неоправданному отдалению, как указывает Гарднер.

Гарднер заметил, что многие дети и подростки, родители которых сражались за получение права попечительства, подвергались «промыыванию мозгов» (“brainwashing”) по инициативе одного из родителей, главным образом матери, которая систематически и сознательно программировала детей на дискредитацию собственного отца до тех пор, пока эти дети не переходили к самостоятельной кампании по клевете [3].

Несмотря на вклад Гарднера в мобилизацию врачей и юристов на борьбу против нарушения гармонии между родителями и детьми в практической сфере, синдром отчуждения от родителей до сих пор не был признан Американской Ассоциацией Психиатров — АРА.

Синдром отчуждения от родителей рассматривался в Соединенных Штатах такими авторами, как Картрайт (Cartwright), Лунд (Lund), Мэйор (Major), Рэнд (Rand), Варшак (Warshak); в Канаде — Ван Джисегмен (Van Gijseghem); в Португалии — Адамапоулос (Adamopoulos); во Франции — Делфье (Delfieu); в Испании — Агилар (Aguilar); в Великобритании — Ловенштейн (Lowenstein) [4].

Рассматривая положения, выдвинутые Гарднером, Дуглас Дарналл (Douglas Darnall) также внес значительный вклад в расширение дискуссии относительно синдрома отчуждения от родителей в своей работе «Следствия развода: понимание отчуждения от родителей» (“Divorce Casualties: understanding parental alienation”), которая была впервые опубликована в 1993 г. и дополнена в 2008 г.

По мнению Дарналла [5], отчуждение от родителей не следует понимать как дуализм между плохим и хорошим родителем, поскольку в большинстве случаев именно один

родитель является инициатором агрессий, несмотря на то, что роли зачастую меняются и родитель, который сначала был жертвой, также может перейти к порождению отчуждения. Таким образом, возникает круг одновременного отчуждения, который может продолжать существование даже после того, как у ребенка появится синдром отчуждения от родителей.

В связи с этим Дарналл [5] выступает за то, чтобы различать термины «Отчуждение от родителей» и «Синдром отчуждения от родителей» специалистами, работающими с семьями, подтверждая подход Гарднера относительно синдрома отчуждения от родителей и устанавливая новый подход к отчуждению от родителей, предшествующий указанному.

Цель такого различия, как указывает Дарналл [5], заключается в содействии родителям в признании действий по отчуждению с тем, чтобы они не привели к синдрому отчуждения от родителей. Таким образом, он определяет отчуждение от родителей как результат поведения, сознательного или неосознанного, способного вызвать нарушение отношений между ребенком и родителем.

Кроме этого существенного различия, для Дарналла [5] важно также раскрыть действие явления в бразильской социальной динамике во избежание того, чтобы тема отчуждения от родителей в бразильских условиях не стала простым принятием доктрины, разработанной вышеуказанными авторами.

Поэтому основная цель данной статьи заключается в распространении результатов исследования предмета, полученных на основании виртуального опросного листа, с тем, чтобы сравнить в целом участников, сценарии, действия и последствия, описание которых приводится в специальной литературе и которые существуют в жизни взрослых бразильцев, являющихся детьми разведенных родителей, чтобы разъяснить особенности и/или схожесть с отчуждением родителей, изначально описанных Гарднером, дополненных Дугласом Дарналлом, и отчуждением родителей, описание которого приводится в Бразильском законе № 12.318/2010, предоставляющем юридические механизмы предотвращения этого зла и борьбы с ним.

Учитывая полученные результаты, предлагается принять новый термин: заменить выражение «Отчуждение от родителей» новым термином «Принудительное семейное отчуждение», которое более глубоко и правильно отражает всю сложность явления.

Практика отчуждения от родителей в Бразилии: виртуальный опросный лист для взрослых, являющихся детьми разведенных родителей

С целью устранения пробела, существующего в имеющейся отечественной юридической литературе относительно отчуждения от родителей, в которой преобладают перепечатки результатов исследований, проведенных в других странах, а также с учетом влияния других культурных и правовых явлений, был использован данный опросный лист. Это связано также с сомнениями, касающимися реальностей бразильских семей, поскольку все исследования, проанализированные выше, касаются американского общества.

Поэтому для получения фактических данных о динамике бразильских семей после расставания родителей был разработан опросный лист, направленный на взрослых, являющихся детьми разведенных родителей. Вопросник распространялся по Интернету с учетом возможности распространения опросного листа в социальных сетях. Благодаря этой

возможности распространения удалось получить доступ к заинтересованным лицам по всей стране и собрать данные исследования.

Был выполнен отбор лиц, являющихся детьми разведенных родителей. Данное ограничение предоставило возможность добраться до участников, которые реально были вовлечены в семейные конфликты, являющиеся основой определения отчуждения от родителей.

Опросный лист с названием «Опросный лист для взрослых, являющихся детьми разведенных родителей» был подготовлен с использованием программного обеспечения онлайн на сайте «Survio» (www.survio.com.br) и включает 21 страницу.

Ссылка на опросный лист была распространена в Интернете через социальные сети (Facebook и Twitter), список адресов электронной почты, блоги журналистов и сайты Бразильского института права и семьи и Бразильской ассоциации счастливого ребенка. Количество визитов на опросный лист впечатляет — 1557 в течение периода исследования — с 30 января 2014 г. по 04 марта 2014 г. (34 дня).

Однако полностью ответили на вопросы листа лишь 134 участника, в то время как 164 участника оставили неотвеченные вопросы, не завершив таким образом отправку.

Из общего количества участников 83 сообщили, что их родители прекратили отношения, когда им было от 0 до 11 лет, в то время как 34 участника указали, что это случилось, когда им было от 12 до 18 лет. 17 участников сообщили, что они были уже старше 18 лет, когда их родители расстались. Важно отметить, что из этих 17 участников, которые были старше 18 лет, 14 человек, отвечая на следующий вопрос, признали себя жертвами отчуждения от родителей.

Из этого вытекают две гипотезы, на которые указывалось после исследований, проведенных Бакером (Baker) и Дарналлом [6], и которые подтверждаются данным исследованием. Первая: практика отчуждения от родителей должна приниматься во внимание по отношению к детям старшего возраста, которые имеют право на взаимоотношения в семье наравне с детьми младшего возраста и подростками. Вторая: практика отчуждения от родителей может иметь место, когда семья еще не распалась, т. е. даже до расставания супругов.

Акты отчуждения от родителей, практикуемые в отношении лиц старшего возраста, несмотря на то, что в специальной литературе не указывается, что они вытекают из психологического вмешательства по отношению к взрослым детям, не утратили своего разрушительного потенциала, поскольку продолжают быть нарушением фундаментального права на взаимоотношения в семье по мере того, как дети отчуждаются от своих родителей или членов семьи.

Точно так же тот факт, что семья еще не распалась, когда отмечается типичное отчуждение от родителей, не может помешать признать вред практикуемых в этих обстоятельствах действий, представляющих собой нарушение психологической неприкосновенности детей или наносящих вред поддержанию или установлению прочных связей и взаимоотношений в семье.

На вопрос, с кем из членов семьи проживал участник после расставания родителей, 99 из них указали, что жили только с матерью, в то время как 18 — с отцом и только 6 — с дедушками и бабушками по отцовской линии (2) или материнской линии (4).

В процентном отношении дети, которые проживали с матерями, относятся к детям и подросткам, попечительство над которыми было передано (в судебном порядке или на дружественной основе) матерям, что свидетельствует о предпочтительном установлении одностороннего попечительства вместо совместного, а также передаче попечительства матери.

Этот факт подтверждается статистическими данными реестра актов гражданского состояния, опубликованными в 2010 г. Бразильским институтом географии и статистики (IBGE). Согласно данным бразильской переписи населения 2010 года, в 87,3% случаев расторжения брака попечительство над детьми передавалось женщинам, при этом приблизительно 1/3 детей теряют контакт с отцами [7].

Те же данные IBGE от 2010 г. свидетельствуют, что в период с 2000 по 2010 г. процент родителей, которые имеют совместное попечительство над детьми после расторжения брака, повысился всего лишь с 2,7% от общего количества разводов до 5,4%. Несмотря на рост приблизительно на 100%, этот показатель является очень незначительным на общем фоне.

Далее, отвечая на вопрос, имели ли они опыт, когда в семье кто-либо пытался настроить их против другого члена семьи, 36 из 134 участников ответили, что этого не было, а остальные дали утвердительный ответ.

Из 26 участников, выбравших опцию «Другое», 6 отметили, что как отец, так и мать пытались настроить их один против другого, а 12 указали также на дедушек, бабушек, дядей и тетю с участием или без участия родителей, что свидетельствует о различной практике отчуждения от родителей в семье.

Эти данные говорят о том, что практика отчуждения от родителей должна быть тщательно исследована с учетом возможности того, что член семьи, который сначала выступал инициатором отчуждения, может сам превратиться в жертву принудительного отчуждения со стороны того, кто ранее был его целью.

Также в категории «Другое» один участник указал на супругу, один — на мачеху, один — на бывшего отчима, один — на соседа и один — на двоюродную сестру, со стороны которых наблюдалось вмешательство.

Представляют интерес данные предыдущего вопроса о членах семьи, с которыми участник проживал после расторжения брака. В то время как 99 участников утверждают, что проживали только с матерью и 18 — только с отцом, 42 сообщили, что инициатором отчуждения была мать, а 20 указали на отца.

Таким образом, количество детей, указавших на отца в качестве инициатора отчуждения, выше количества детей, физическое попечительство над которыми оставалось за отцом, что означает, что практика отчуждения от родителей связана не только с теми, кто осуществляет юридическое попечительство над детьми (опекун) и проводит с ними больше времени.

Silva [8], ссылаясь на исследование Коджое, поясняет, что отчуждение от родителей, как правило, исходит от матери, поскольку она проводит больше времени с детьми. Физическая отдаленность мужчин, которым нужно содержать семью, а затем выплачивать алименты, также способствует эмоциональной отдаленности детей от отца. Однако отчуждение от родителей может также инициироваться родителем, не являющимся опекуном, искусно манипулирующим детьми во время визитов.

Тот факт, что упоминаются дяди и тети, дедушки и бабушки и другие члены семьи свидетельствует о том, что практика отчуждения от родителей не зависит от того, кто является законным опекуном детей и подростков. Она, скорее всего, связана в большей степени с аффективной близостью в качестве канала воздействия, чем с взаимоотношениями как таковыми.

Родригес (Rodrigues) и Рамирес (Ramires) [9], подтверждая эту гипотезу, утверждают, что динамика отчуждения от родителей предполагает наличие особой эмоциональной связи между ребенком и его попечителями, и для этой связи характерны симбиоз, отсутствие уверенности, различие вкусов, чувств, потребностей. Это означает, что практика отчуждения от родителей выходит за пределы традиционного биннома «родительские обязанности и супружество».

Следующий вопрос («Кто пострадал?») касается идентификации членов семьи, пострадавших от этой попытки настроить участника против кого-либо в семье.

41 участник выбрал опцию «Не касается», и еще 2 участника остановились на опции «Другое», чтобы указать, что никто не пострадал или что произошел сбой. Всего 43 участника указали, что не сталкивались с подобными ситуациями.

Эти данные, противоречат показателям, полученным при ответе на предыдущий вопрос, где только 38 участников сообщили, что они не сталкивались с семейными конфликтами подобного рода.

Таким образом, отрицательные ответы на основной вопрос позволили установить не только количество участников, не сталкивавшихся с ситуациями отчуждения от родителей, но и количество участников, признавших себя жертвами.

Несмотря на то, что только один участник указал в ответе на вопрос о том, что его брат или сестра пострадали от попытки отдаления, при ответе на следующий вопрос относительно братьев и сестер указано большое количество случаев, указывающих на практику действий по отчуждению от родителей по отношению к братьям и сестрам. Это также касается дедушек и бабушек как участников и/или жертв отчуждения от родителей — гипотеза, на которую при ответе на данный вопрос указали только два участника.

Эта констатация может означать, что только после определенного осмысления лица признают практику отчуждения от родителей в повседневной жизни в виде поступков, которые казались им нормальными или обычными. Только после детального анализа этих вопросов они признали эти поступки такими, которые нанесли ущерб семейной гармонии и психологическому состоянию членов семьи.

Такое осмысление может указывать на то, как практика действий по отчуждению от родителей постепенно входит в повседневную жизнь семей, и при этом члены семьи понимают глубину проблемы или осознают зловредность этой практики.

Отвечая на отдельный вопрос о наличии братьев и сестер и поступках членов семьи, которые пытались осложнить отношения участников с их братьями и сестрами, 39 участников ограничились ответом «Нет», но при ответе на следующие вопросы они указали на наличие братьев и сестер, что дает основания полагать, что ответ «Нет» может означать как «не имею братьев и сестер», так и «вмешательство в отношения с братьями и сестрами отсутствовало». В то же время 14 участников сообщили, что у них попросту не было братьев и сестер.

Так, только 72 участника дали ответы, полностью удовлетворяющие требованиям этого раздела. Из них 43 участника (около 59%) ответили, что у них есть брат(ья) и сестра(ы), но они не испытывали какого-либо вмешательства в отношения с ними, в то время как 29 участников (около 41%) указывают, что какой-либо член семьи непосредственно вмешивался в их отношения с братьями и сестрами.

13 участников отметили случаи, когда мать пыталась отдалить их от братьев и сестер (детей родителей), и один участник отметил, что собственная мать пыталась настроить его против своей старшей сестры, дочери той же матери, но от другого отца. Один участник указал на тетю по материнской линии, которая предпринимала попытки настроить его против братьев и сестер; также только один участник указал на дедушек и бабушек по материнской линии, практиковавших эти действия.

Пять участников сообщили, что такие действия исходили от отца, в то время как 10 участников отметили, что мачеха попыталась вмешаться в их отношения с братьями и сестрами со стороны матери, один участник указал на отчима, и один участник указал, что семья отчима пыталась вмешаться в его отношения со сводным братом.

Эти данные четко свидетельствуют о том, что, будучи родителями, многие находятся под впечатлением от развода, а остальные члены семьи не могут смириться и жить по сценарию семей с детьми от предыдущих браков.

Семьи с детьми от предыдущих браков или смешанные семьи — это семьи, члены которых перестраивают свои отношения и где по меньшей мере одно из заинтересованных лиц приводит с собой детей, а также юридические последствия, вытекающие из связей с предыдущей семьей [10].

Это классический пример семей, в которых один из супругов является отчимом ребенка, родившегося ранее у его теперешней супруги. В этих вновь созданных ячейках формируются разнообразные новые связи. У детей появляются новые братья и сестры. Супруги вследствие слияния, кроме прочего, получают новых родственников [10].

Эти семьи возникают вследствие новых близких отношений супружеской пары, где каждый родитель приводит в семью детей от предыдущих браков и строит ее вместе с новым(ой) супругом(ой) и детьми от новых отношений.

Указания в ответах на данный вопрос опросного листа, относятся ли по-разному к детям от одних и тех же матерей и отцов и детям от разных матерей и отцов родители и

другие члены семьи, является важной социологической информацией, свидетельствующей о том, что реальность семей с детьми от предыдущих браков не может восприниматься однозначно.

С одной стороны, члены семьи не желают принимать прекращение первого союза, не придавая особого значения составу следующей семьи, и, с другой стороны, новый семейный союз ищет надежное место, не придавая особого значения первой семье, принимая в качестве своей первоочередной задачи поддержание гармоничного сосуществования всех ее членов.

Это усиливает необходимость того, чтобы член семьи в целом (отец или мать всех братьев и сестер, являющийся связующим звеном между членами семьи) осознавал свою роль стабилизирующего элемента сводных семей.

Как точно отметил Палермо (Palermo) [7, с. 13] в книге, посвященной главным образом разведенным родителям, «... он [отец] является основным ответственным лицом за гармоничные отношения между мачехой, ребенком и бывшей женой», что в равной мере относится к матери относительно отношений между отчимом, ребенком и бывшим мужем.

Отвечая на вопрос, имеются ли у них отчимы/мачехи и вмешивались ли они в их отношения с их отцом/матерью, 30 участников ответили просто «Нет», но в ответах на последующие вопросы участники указали на наличие мачех, что свидетельствует о том, что ответ «Нет» может означать как «нет отчима/мачехи», так и «не было вмешательства со стороны отчима/мачехи».

Один участник ответил «не касается», один написал «Никто из двух», один ответил только «Да, но избегаю контактов», один написал, что не может ответить, было ли вмешательство, один сообщил, что отчим вмешивался только в вопрос строительства, которое вел его отец, и один сообщил, что его отчим никогда не вмешивался, но в его доме никогда не говорили о существовании биологического отца. Только 13 участников четко ответили, что у них нет и никогда не было отчима/мачехи.

Из 85 участников, которые сообщили, что у них был или есть отчим/мачеха, и ответили на другие разделы этого вопроса утвердительно, 35 участников (около 42%) указали, что они не вмешивались в их отношения с отцами/матерями, один сообщил, что на самом деле его мать пыталась заменить отношения участника с его отцом отношениями с отчимом, один участник указал, что он был жертвой сексуальных притязаний и физического насилия со стороны отчима, и четверо сообщили о вмешательстве отчима/мачехи, но отметили, что это вмешательство было положительным.

В целом, 44 участника отметили, что их отчимы/мачехи участвовали в действиях по вмешательству в отношения между участником и его отцом/матерью (около 53%).

31 участник в своих ответах указал на мачеху, в то время как 9 указали на отчима.

К причинам, обозначенным участниками в том, что касается перечисленных выше случаев негативного поведения, в целом относятся страх утраты внимания, ревность со стороны бывшего партнера(ши) (матери/отца участников), ревность к отношениям между партнером и своими детьми, страх лишиться финансовой поддержки, чувство бездействия, эгоизм.

Эти данные обращают внимание на недочеты правовой культуры наделения ответственностью членов семей, имеющих детей от предыдущих браков, по отношению к детям от предыдущих браков.

Отсутствуют какие-либо правовые положения или их ожидание в обществе, направленные на то, чтобы отчима и мачехи брали на себя функции по заботе, защите и, тем более, содержанию детей партнера, что приводит к отсутствию этики и ответственности за сохранение психологической неприкосновенности во взаимоотношениях между детьми и родителями в семье.

Отвечая на вопрос о том, пытались ли когда-либо отец или мать препятствовать отношениям участника с его отчимом/мачехой и каким образом, 60 участников ограничились ответом «Нет», что не позволяет установить, означает это «не пыталась» или «не касается, поскольку нет отчима/мачехи».

Восемь участников ответили, что «не касается», один ответил, что родитель пытался препятствовать, но не смог, и 20 участников утверждали, что ни один из родителей никогда не пытался вмешаться в отношения с отчимом/мачехой. 39 участников отметили, что отец или мать уже пытались вмешаться в отношения пасынок/отчим или пасынок/мачеха.

Один участник сообщил, что такое вмешательство было необходимо для защиты детей от отчима/мачехи, поскольку они вели себя ненадлежащим образом, и три участника утверждали, что такое поведение было, по их мнению, нормальным, так как отношения мачехи с отцом начались в то время, когда он еще состоял в браке с матерью участника.

Один участник указал, что его мать только отпускала колкости относительно внешнего вида мачехи, поскольку ее унижение доставляло ей удовольствие, не приводя при этом каких-либо других более серьезных примеров.

Один участник сообщил, что его мать всегда ревностно относилась к отношениям отца с его возлюбленными, но никогда не вмешивалась. Участник отметил, что он на самом деле обижен на мать за бездействие вместо защиты в, как он указывает, «ужасных» конфликтах между бабушкой по материнской линии и отцом.

Так, 39 участников четко отметили, что их отец или мать предпринимали попытки навредить их отношениям с новым(ой) партнером(шей) другого отца/матери либо отчимом/мачехой, не имея для этого надлежащих оснований. Из них 15 конкретно ссылались на подобные действия со стороны матери и 11 — со стороны отца.

Валенте (Valente) [11] указывает на то, что если раньше смешанные семьи возникали после смерти одного из супругов, то сейчас это происходит намного чаще, после разводов и расставания. Так, отчим или мачеха не занимают свободного места отца или матери, а входят в семью, где уже есть отец или мать, становясь дополнительным игроком в семейной игре. Смешанные семьи, таким образом, представляют собой сегодня не только дом, в котором живет ребенок, но, что очень важно, пространство, в котором он вращается, создавая настоящий семейный круг.

Некоторые авторы, такие как Гросман (Grosman) и Алкорта (Alcorta), считают даже, что следует заменить термины мачеха, отчим и пасынок/падчерица, уходящими в историю,

на термины мать по родству через брак, отец по родству через брак и ребенок по родству через брак [10], которыми обозначается новый состав членов семьи.

На вопрос «Чувствуете ли Вы, что Ваши дедушка или бабушка предпринимали попытки повлиять на Ваши отношения с отцом/матерью (...)», из 134 участников 73 ответили только «Нет», трое ответили, что «не касается», трое отметили, что не знали своих дедушек и бабушек, один указал, что никогда не контактировал с дедушками и бабушками, а трое сообщили, что их дедушки и бабушки уже умерли.

20 участников утверждали, что их дедушки и бабушки никогда не вмешивались в их отношения с отцом/матерью. Один участник сообщил, что дедушка и бабушка по материнской линии отстранялись от него только в то время, когда он жил с отцом, но это не отразилось на жизни участника. Другой участник указал, что вмешательство дедушки и бабушки заключалось в предоставлении советов и попытках помочь взаимоотношениям внуков с матерью.

Один участник указал, что его бабушка никогда не вмешивалась в отношения с его отцом, однако он был недоволен семьей матери, обвиняя ее в том, что она имела детей от разных мужей, и это побуждало мать к отчуждению в отношении отца.

28 участников отметили, что дедушки и бабушки пытались навредить отношениям отца или матери с детьми. Из них два участника оправдывали вмешательство дедушек и бабушек, потому что отец был жестоким человеком или плохо относился к матери.

Дедушки и бабушки, как правильно указывает Соуза (Souza) [12], играют в настоящее время важную роль в том, что касается отношений между членами семьи, а также с точки зрения семейного права, поскольку они все чаще принимают участие в разбирательствах в отечественных судах по вопросам алиментов, опекуна и отношений с прародителями.

Тем не менее, часто сами дедушки и бабушки попадают в спор родителей при разводе, практикуя отчуждения от родителей или страдая от его последствий. При разводах, когда один из супругов является несовершеннолетним, его родители оказывают решающее влияние на взаимоотношение с детьми/внуками. И наоборот, многие дедушки и бабушки страдают от развода детей, поскольку лишаются контакта со своими внуками и могут даже быть отвергнуты ими по различным причинам, связанным со злостью родителей [12].

Принимая во внимание реальное влияние дедушек и бабушек на воспитание детей и подростков, бразильские законодатели уже предпринимали шаги к тому, чтобы дедушки и бабушки также несли ответственность за принуждение своих внуков к отчуждению от родителей, подтверждением чего является глава статьи 2 Закона № 12.318/210.

Принимая во внимание, что действующее законодательство признало, что дедушки и бабушки могут быть активными субъектами актов отчуждения от родителей, следует признать, что они также могут быть объектами такой практики.

Отдельные заключительные положения

В вопроснике были поставлены вопросы, направленные на оценку уровня знаний у участников опроса о феномене родительского отчуждения, а также на изучение конкретных

ситуаций проживания в воссозданных семьях, таких как отношения родителей и детей с отчимами, мачехами, братьями и сестрами в новых отношениях.

Анализ вышеотмеченных вопросов и соответствующие ответы на них составят вторую часть данной статьи, которая будет опубликована в следующем выпуске журнала.

На данном этапе можно отметить, что термин «родительское отчуждение» не охватывает всю сложность явлений в современных семьях, что послужило поводом к обоснованию термина «принудительное семейное отчуждение» как выражения, которое более точно характеризует данную проблему.

Предлагаемый термин направлен на установление необходимого различия между «отчуждением от родителей» как родовым понятием и его видами, такими как «синдром родительского отчуждения», «принудительное родительское отчуждение» и «принудительное семейное отчуждение».

Первый термин включает в себя набор симптомов, присущих детям и подросткам, которые программируются на то, чтобы отвергнуть или бояться одного из родственников.

Второй термин предполагает поведение родителя, который специально пытается нанести вред другому родителю, живущему вместе с детьми.

Наконец, третий термин — «принудительное семейное отчуждение» подразумевает поведение одного или нескольких родственников, которое направлено на нарушение фундаментального права на семейное совместное проживание детей и подростков и других членов семьи [13].

В следующей статье мы проанализируем остальные вопросы, поставленные в рамках рассматриваемого опросника, ответы на которые позволят обосновать целесообразность введения нового термина «принудительное семейное отчуждение».

Литература

1. *Peixoto Maria Angélica*. To understand alienation: Marx, Fromm e Marcuse [Электронный ресурс] // Revista Espaço Acadêmico, ano X, nº 1110, Julho de 2010. URL: <http://edueojs.uem.br/ojs/index.php/EspacoAcademico/article/.../5775> (дата обращения: 16.04.2018).
2. *Barbosa Luciana de Paula Gonçalves, Castro Beatriz Chaves Ros de*. Parental alienation: a portrait of litigation and families in litigation. Brasília: Liber Livro, 2013. 188 p.
3. *Gardner Richard A*. Legal and psychotherapeutic approaches to the three types of parental alienation syndrome families: When Psychiatry and the Law Join Forces [Электронный ресурс] // Court Review. 1991. № 1. Vol. 28, Spring. P. 14—21. American Judges Association. URL: <http://www.fact.on.ca/Info/pas/gardnr01.htm> (дата обращения: 21.03.2018).
4. *Souza Analicia Martins de*. Parental Alienation Syndrome: A New Topic in Family Judgments. São Paulo: Cortez, 2010. 58 p.

5. *Darnall Douglas*. Divorce casualties: understanding parental alienation. 2nd Ed. Maryland: Taylor Trade Publishing, 2008. 304 p.
6. *Baker Amy J.L., Darnall Douglas*. Behaviors and Strategies Employed in Parental Alienation: A Survey of Parental Experiences [Электронный ресурс] // Journal of Divorce & Remarriage. 2006. Vol. 45 (1/2). URL: http://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1300/J087v45n01_06#preview (дата обращения: 14.03.2018).
7. *Palermo Roberta*. Ex-husband, father present: tips not to fall into the trap of parental alienation. São Paulo: Mescla, 2012. 267 p.
8. *Silva Denise Maria Perissini da*. Legal psychology in the Brazilian civil process: the interface between psychology and law in family and childhood issues. 2. ed. Rio de Janeiro: Forense, 2012. 315 p.
9. *Rodrigues Maria Alice, Ramires Vera Regina Röhnelt*. Parental alienation and the law: the judicialization of family relations? In Family Law // Interdisciplinary Perspective / Fabrício Dani de Boeckel, Karin Regina Rick Rosa, organizadores. Rio de Janeiro: Elsevier, 2012. 213 p.
10. *Farias Arias, Cristiano Chaves de, Rozenvald Nelson*. Family Law. 2^aed. Rio de Janeiro: Editora Lumen Juris, 2010. 85 p.
11. *Valente Maria Luiza Campos da Silva*. Parental Alienation Syndrome: the perspective of social service // Parental Alienation Syndrome and Guardian Tyranny: Psychological, Social and Legal Aspects. Organized by the Association of Separate Parents and Mothers. Porto Alegre: Equilíbrio, 2008. 673 p.
12. *Sousa Lourival de Jesus Serejo*. Right of the grandparents // Brazilian Journal of Family Law and Inheritance. 2012. Vol. 25. dez./jan. Porto Alegre: Magister, 2012. 542 p.
13. *Waquim Bruna Barbieri*. Induced Family Alienation: deepening the study of Parental Alienation. Rio de Janeiro: Lumen Juris, 2015. 342 p.

Induced family alienation: new data and new considerations on parental alienation. Part I.

Bruna Barbieri Waquim, PhD (in Law), Professor, Master of law and institutions of justice of the Federal University of Maranhão (UFMA), president of the Institute of Family Law in Brazil (Maranhão State Department) (IBDFAM / MA) (bu_barbieri@yahoo.com.br)

The article publishes the results of the application in Brazil of a virtual questionnaire for Brazilian children of divorced parents, whose object was the study of Parental Alienation. The research had as a starting point the studies of Richard Gardner on the Syndrome of the Parental Alienation and works of Amy Baker and Douglas Darnall. The author compiled a questionnaire designed for children of divorced parents, published on legal sites, social networks and in Brazilian blogs. The questionnaire collected quantitative and qualitative data indicating the expansion of the active and passive subjects of this practice (grandparents, brothers, stepfathers as agents and victims of alienation), reaffirms the degrees of strategies and practices (light, moderate and serious acts, causing psychological or non-psychological damage to children and adolescents) and scenarios where Parental Alienation can be glimpsed. The article analyzes the most important psychological concepts; summarizes the data obtained by the researcher as a result of the application of the questionnaire; proposes the new approach to the phenomenon of alienation as "forced family alienation".

Keywords: parental alienation, parental alienation syndrome, family living, psychological integrity, child and teenager.

References

1. Peixoto Maria Angélica. To understand alienation: Marx, Fromm e Marcuse [Электронный ресурс] // Revista Espaço Acadêmico, ano X, nº 1110, Julho de 2010. URL: <http://edueojs.uem.br/ojs/index.php/EspacoAcademico/article/.../5775> (дата обращения: 16.04.2018).
2. Barbosa Luciana de Paula Gonçalves, Castro Beatriz Chaves Ros de. Parental alienation: a portrait of litigation and families in litigation. Brasília: Liber Livro, 2013. 188 p.
3. Gardner Richard A. Legal and psychotherapeutic approaches to the three types of parental alienation syndrome families: When Psychiatry and the Law Join Forces [Электронный ресурс] // Court Review. 1991. № 1. Vol. 28, Spring. P. 14—21. American Judges Association. URL: <http://www.fact.on.ca/Info/pas/gardnr01.htm> (дата обращения: 21.03.2018).
4. Souza Analicia Martins de. Parental Alienation Syndrome: A New Topic in Family Judgments. São Paulo: Cortez, 2010. 58 p.

5. Darnall Douglas. Divorce casualties: understanding parental alienation. 2nd Ed. Maryland: Taylor Trade Publishing, 2008. 304 p.
6. Baker Amy J.L., Darnall Douglas. Behaviors and Strategies Employed in Parental Alienation: A Survey of Parental Experiences [Электронный ресурс] // Journal of Divorce & Remarriage. 2006. Vol. 45 (1/2). URL: http://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1300/J087v45n01_06#preview (дата обращения: 14.03.2018).
7. Palermo Roberta. Ex-husband, father present: tips not to fall into the trap of parental alienation. São Paulo: Mescla, 2012. 267 p.
8. Silva Denise Maria Perissini da. Legal psychology in the Brazilian civil process: the interface between psychology and law in family and childhood issues. 2. ed. Rio de Janeiro: Forense, 2012. 315 p.
9. Rodricues Maria Alice. Ramires Vera Regina Röhnelt. Parental alienation and the law: the judicialization of family relations? In Family Law // Interdisciplinary Perspective / Fabrício Dani de Boeckel, Karin Regina Rick Rosa, organizadores. Rio de Janeiro: Elsevier, 2012. 213 p.
10. FariasARIAS, Cristiano Chaves de, Rozenvald Nelson. Family Law. 2^aed. Rio de Janeiro: Editora Lumen Juris, 2010. 85 p.
11. Valente Maria Luiza Campos da Silva. Parental Alienation Syndrome: the perspective of social service // Parental Alienation Syndrome and Guardian Tyranny: Psychological, Social and Legal Aspects. Organized by the Association of Separate Parents and Mothers. Porto Alegre: Equilíbrio, 2008. 673 p.
12. Sousa Lourival de Jesus Serejo. Right of the grandparents // Brazilian Journal of Family Law and Inheritance. 2012. Vol. 25. dez./jan. Porto Alegre: Magister, 2012. 542 p.
13. Waquim Bruna Barbieri. Induced Family Alienation: deepening the study of Parental Alienation. Rio de Janeiro: Lumen Juris, 2015. 342 p.